

История Международного конкурса имени Светланова пока не очень длинна: за 12 лет дирижеры соревновались всего четыре раза – в Люксембурге, Монпелье и дважды в Париже. Четвертый конкурс прошел в полуторатысячном Аудиториуме Radio France – эта корпорация стала соорганизатором проекта, а ее знаменитый Филармонический оркестр – штатным конкурсным оркестром.

Принять участие в состязании пожелало более 350 молодых дирижеров (по правилам, соревнующимся должно быть от 19 до 39 лет). Предварительный отбор по видео был жестким: осталось всего 18 человек из 14 стран – от Азербайджана до Японии и от Гватемалы до Украины. После первого тура жюри, возглавляемое главным дирижером Датской королевской оперы Александром Ведерниковым, оставило на дистанции восемь человек, после второго тура – четверых.

Дмитрий Филатов в финале исполнил Симфонию Франка, а Фуад Ибрагимов – Концерт для оркестра Бартока, и жюри не смогло решить, кто из них лучше. В результате первую и третью премии решили не вручать, зато выдали россиянину и азербайджанцу две вторые (по десять тысяч евро каждая).

БАКУ: Вы в детстве сами хотели стать музыкантом или вас родители заставили пойти учиться?

ФУАД ИБРАГИМОВ: Я сам хотел! Я родился в Шуше, в Карабахе, а там ведь многие были музыкантами, людьми творчества. Из этого маленького города много больших музыкантов вышло: и Узеир Гаджибейли, и наш великий дирижер Ниязи. Наверное, в Шуше в каждом человеке заложено это начало. Но 1990-е годы были, мягко говоря, не для всех благополучными; моя семья уехала из Шуши, когда мне было девять лет. Родители были против моего стремления к музыке – вокруг всё говорило о том, что мужчина в этой сфере не сможет заработать на жизнь. Но я этого не понимал, я настаивал, и в 12 лет, когда мы жили уже в Баку, все-таки заставил родителей отдать меня учиться музыке. Я выбрал альт – он стал первым, последним и самым любимым моим инструментом.

ДМИТРИЙ ФИЛАТОВ: Музыка была со мной всегда, сколько я помню. Моя семья дружила с музыкантами. В пять лет я пошел в подготовительную группу музыкальной школы. Там параллельно с занятиями фортепиано перепробовал много инструментов: и блок-флейту, и тромбон. В старших классах ►

**Я НИКОГДА
НЕ ДОВОЛЬ-
СТВУЮСЬ
ТЕМ, ЧТО ЕСТЬ.
МОИ ЦЕЛИ
СЛИШКОМ
ВЫСОКО ЗА
ОБЛАКАМИ**

Фуад Ибрагимов

у нас была небольшая рок-группа, я играл на клавишах. Но по окончании школы я не думал связывать жизнь с музыкой. Однако моя учительница по фортепиано, Людмила Никитична Губарева, предложила поступить в Белгородское музыкальное училище имени Дегтярева по классу флейты. Она обрисовала мне перспективы: да, я вроде неплохо играю на фортепиано, но флейта более «хлебный» инструмент. Мои родители в то лето отдыхали на море, и я решил поступать в училище, посоветовавшись только с бабушкой. Когда они приехали, конечно, немножко удивились, но противиться не стали и репили в течение года посмотреть, что получится. За это время я втянулся в учебу и к концу года уже решил, что буду продолжать образование в Москве.

БАКУ: А когда вы поняли, что хотите стать именно дирижером?

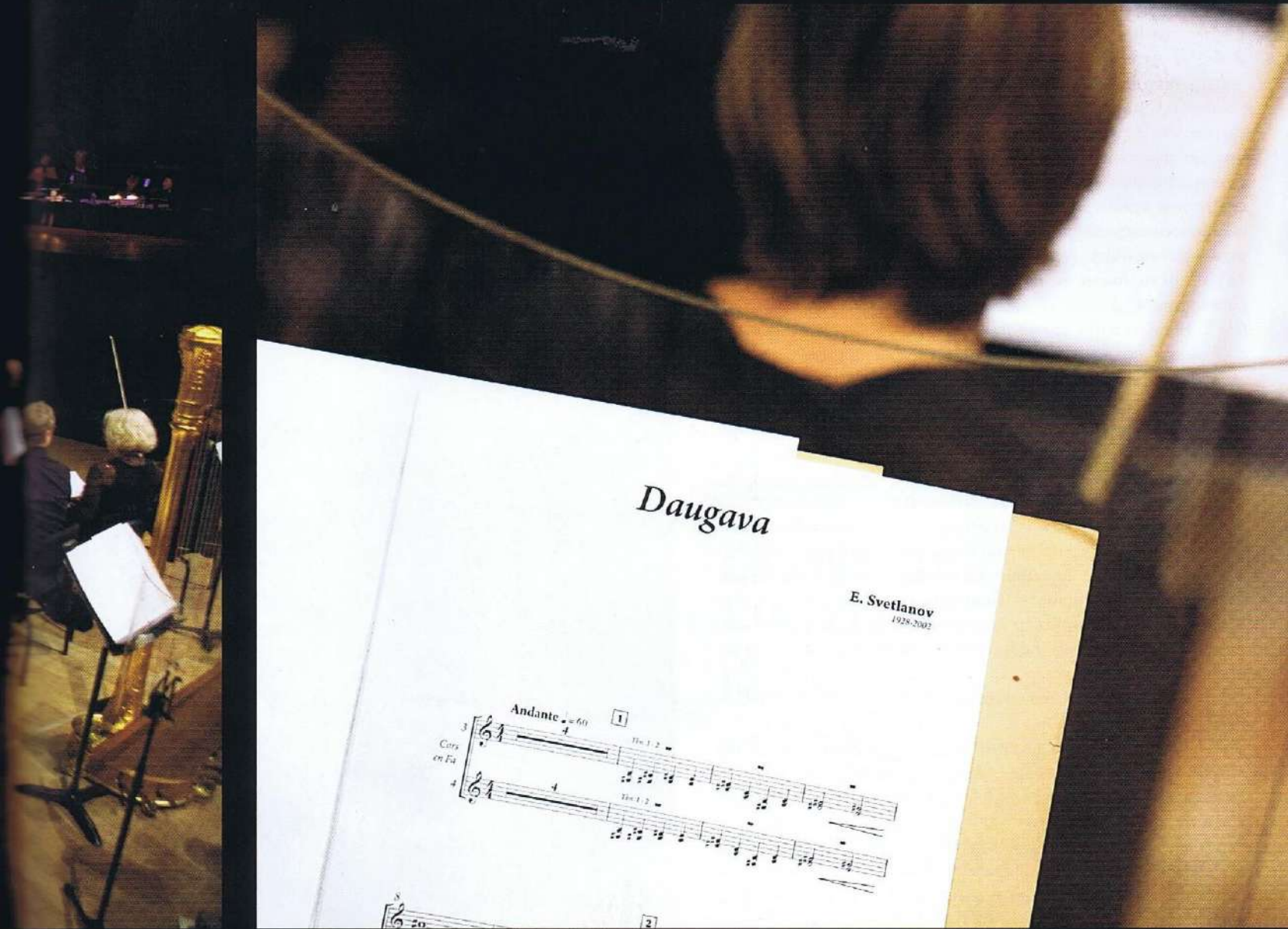
Ф.И.: В 15 лет, когда получил возможность работать с Государственным симфоническим оркестром под управлением маэстро Рауфа Абдуллаева. Тогда я стал замечать всю прелесть этой профессии, любовался его жестикуляцией, его характером, тем, как он ведет репетиции. Этот человек меня влюбил в свою профессию. Дирижер как поэт – творит музыку своими движениями. Однако чем старше я становился, тем больше сомневался в том, что смогу быть дирижером, потому что осознавал сложности этой профессии. Но любовь к музыке все-таки заставила рискнуть и попробовать.

Д.Ф.: В училище был предмет «дирижирование», и мне нравилось им заниматься. Мое юношеское рок-увлечение тогда переросло в любовь к джазу. Я сначала организовал в училище диксиленд, а потом инструментальный ансамбль: делал для него аранжировки, писал музыку, мне нравилось организовывать работу ансамбля с чисто музыкальной точки зрения. Так что дирижирование стало логичным этапом моего пути. Госэкзамены в училище я уже сдавал по специальности «дирижер самодеятельного оркестра». А потом поступил в Академию Гнесиных.

БАКУ: Кого вы считаете своим главным учителем в дирижировании?

Ф.И.: Своего педагога в Кельнской высшей школе музыки Михаэля Луига. Он не только дал мне знания в профессии, но и сильно изменил мой взгляд на жизнь. Скажем так: этот человек меня приземлил и открыл глаза на многие вещи. После него я стал невероятным реалистом – понимал, на что, куда иду и когда там буду. Причем изначально в Кельн я приехал совершенствоваться как альтист, только потом поступил на дирижерский факультет. Меня приняли, но средств для жизни в Германии у меня не было, и мне очень помогли Мстислав Ростропович, Фархад Бадалбейли и прежде всего Фонд Гейдара Алиева: Первая леди Мехрибан Алиева лично поддержала мое стремление стать дирижером.

Д.Ф.: Моего преподавателя, у которого я оканчивал аспирантуру по дирижированию, Сергея Ивановича Скрипку. Я благода-

рен судьбе, что в моей жизни попадались люди, которые верили в меня не только в институте, но и в училище. Но главный учитель – конечно, жизнь. Она не перестает открывать новые горизонты.

БАКУ: Есть ли музыкант, у которого вы непосредственно не брали уроки, но который на вас сильно повлиял?

Ф.И.: Рауф Абдуллаев. Те почти пять лет, что я работал в Государственном симфоническом оркестре как альтист, я каждый день изучал его: как он выходит на сцену, как приходит на репетицию, как реагирует, как говорит, как дирижирует, как интерпретирует... Ни одну репетицию мимо ушей не пропускал. Вообще ничего не пропускал, все изучал.

Д.Ф.: Моими учителями сейчас в большей мере являются те записи музыки, которые доступны. Например, из немецкой школы дирижирования – Вильгельм Фуртвенглер, Карлос Клайбер и Герберт фон Караян, американский дирижер Леонард Бернштайн. Из русских дирижеров я мог бы выделить Сергея Рахманинова, Николая Голованова, Евгения Мравинского, Кирилла Кондрашина и, конечно, Евгения Светланова. Стараюсь учиться у них.

БАКУ: Что вы считаете самым большим своим достижением до Конкурса имени Светланова?

Ф.И.: Для меня вопрос об успехе в жизни очень сложный. Я никогда не довольствуюсь тем, что есть. Мои цели слишком

высоко за облаками, к ним надо долгие годы стремиться, работать над этим. Наверное, можно считать успехом, когда тебя второй, третий, пятый раз приглашают в один и тот же оркестр. Если пригласили раз и больше не зовут – значит, было нехорошо. Мне кажется, мы удачно сделали «Дафниса и Хлою» Равеля и Героическую симфонию Бетховена с моим немецким молодежным оркестром в Мюнхене. Это была колоссальная работа, за которую не стыдно. Еще запомнился концерт с нашим Азербайджанским государственным симфоническим оркестром в Москве на фестивале «Другое пространство» – мы играли Группы Штокхаузена и Симфонию для восьми голосов и симфонического оркестра Берно. А когда Фарадж Караев предложил мне продирижировать Первой симфонией Шнитке на фестивале современной музыки в Баку, я был готов крикнуть: «Нет! Ни в коем случае! Никогда!» – но все-таки рискнул и ничуть не жалею. Было очень интересно, поучительно и важно для истории – до сих пор эта симфония в мире исполнялась всего четыре раза.

А самым счастливым днем в моей жизни был тот, когда я в Германии исполнил с немецким оркестром «Азербайджанское каприччио» Фикрета Амирова. Когда я только пришел к музыке, начал интересоваться дирижированием, любоваться этой профессией, я представлял себе, как буду дирижировать одним произведением, другим, третьим. И одним из них ►

было «Азербайджанское каприччио». И вот я стою на сцене – и вдруг понимаю, что исполняется моя мечта!

Д.Ф.: Я дирижирую лет с 19, но совсем недавно появилось ощущение свободы и того, что можешь управлять оркестром. Ощущение, что это твоя стихия. Это главное достижение. Потому что часто дирижер противопоставляется оркестру, а оркестр – дирижеру. Ну и, конечно, очень ценен для меня полученный в 2013 году в Костроме Приз симпатий оркестра на Международном конкурсе оперно-симфонических дирижеров имени Ильи Мусина, в котором я участвовал.

БАКУ: Что было самым сложным на Конкурсе имени Светланова?

Ф.И.: Распределить время. На первом туре дают 20 минут – в обычной жизни они могут показаться вечностью, а во время конкурса проходят за считанные секунды. За это время надо все успеть сделать правильно – так, чтобы музыканты поняли твою интерпретацию, создать с ними хороший контакт и при этом стараться, чтобы жестикация была грамотная.

Д.Ф.: Для меня сложнее всего было свободно изъясняться на английском языке. Дирижер должен уметь кратко и точно высказать свои намерения, и вот этой свободы мне не хватило. (Сейчас я всерьез взялся за английский!) Но я очень благодарен музыкантам оркестра Radio France за их чуткость и отзывчивость. Конечно, были моменты, когда мне казалось, что оркестр не понимает, чего я хочу, но они не стали решающими, потому что музыка и идеи, в ней заложенные, брали верх.

БАКУ: Слушали ли вы выступления других конкурсантов?

Ф.И.: Нет. До своего выступления не слушал, так как не хотел отвлекаться. А после – такое состояние облегчения!.. Но ненадолго. Я вышел с первого тура более или менее спокойным, с чувством, что все было хорошо. Но буквально через десять минут я уже был уверен, что все было ужасно, а через час – что я вообще вылету из конкурса. Чем дольше оставался наедине со своими мыслями и анализировал, тем меньше был уверен в том, что все прошло хорошо. Таков мой характер: я всегда очень категорично к себе отношусь. На втором туре было точно так же: до выхода на сцену не было ни времени, ни желания слушать коллег, а после ушел в себя, переживал, пройду в третий тур или нет.

Д.Ф.: Я слушал, но только после первого тура. Он проходил в два дня, я выступил в первый день, а второй был свободный, и я пошел слушать других. Могу показаться самонадеянным, но после первого тура я сразу был уверен, что попаду в число лауреатов. Я почувствовал, что понял приоритеты жюри. Поскольку Евгений Федорович Светланов сам был неординарной и очень яркой натурой, задачей конкурса стало выявить тех людей, которые имеют яркую индивидуальность, могут проявить себя в музыке и готовы сказать свое слово, не просто копируя чью-то работу. Ну и, конечно, тех людей, которые могут установить контакт с оркестром.

БАКУ: Произведения каких трех авторов вы выбрали для финала? Почему ваш выбор был именно таков и какое из них велело исполнить жюри?

Ф.И.: Я хотел показать, что заинтересован не только в красивой музыке, но и в том, чтобы показать три разных стиля. Моцарт (Симфония № 41) – это классика, Франк (Симфония ре минор) – французский романтизм, а Барток (Концерт для оркестра) со своими необычными ритмами, мелодиями, оркестровкой ближе к современному искусству. Жюри выбрало Бартока.

Д.Ф.: Я выбирал по личной симпатии к композиторам. Выбрал Чайковского – Вторую симфонию, Мендельсона – Тре-

тью симфонию и Франка – Симфонию ре минор. Я посчитал правильным выбрать немецкую, французскую и русскую музыку, чтобы выступление было разнообразным. И мне показалось достаточно логичным, что жюри предложило мне дирижировать симфонией Франка, поскольку оркестр французский. Все-таки Чайковский нам в какой-то степени ближе, а Франк еще и бельгийского происхождения, так что очень много граней в этой музыке. Ну и сама симфония достаточно большая по форме.

БАКУ: Повлиял ли конкурс на вашу жизнь? Изменилось ли что-то после него?

Ф.И.: Очень повлиял. Эта неделя показалась мне похожей на службу в армии. Вот люди идут служить два года, и, как вы знаете, армия для любого человека – очень хорошая школа.

ГЛАВНЫЙ УЧИТЕЛЬ – КОНЕЧНО, ЖИЗНЬ.

ОНА НЕ ПЕРЕ- СТАЕТ ОТКРЫ- ВАТЬ НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ

Дмитрий Филатов

Школа жизни. Так же и эта неделя очень многому меня научила. Хотя я всегда был дисциплинированным человеком, конкурс научил меня собирать себя, контролировать свои мысли, не волноваться. Вот позавчера был концерт, и я перед выходом на сцену просто вспомнил, что происходило со мной во время конкурса. О чем я думал? Как себя успокаивал? Как себя настраивал? Это теперь на долгие годы, может быть, навсегда мой бэкграунд. Я всегда этот опыт подсознательно буду иметь в виду.

Д.Ф.: Конечно, конкурс стал новым этапом в моей жизни со своими целями, надеждами, задачами. Мне очень приятно, что мой результат не остался незамеченным. Конечно, для меня это и возможность новой концертной деятельности, и финансовая сторона, если говорить о моей постоянной работе в Белгороде. Хотел бы сказать большое спасибо моей филармонии за поддержку. Ну и конечно, организаторам конкурса в лице Марины Бауэр и ее команды. ❖

